

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ

В.Ф. Капица, О.В. Цыгуль

Целью настоящей статьи является разработка теоретических оснований развития современного общества на пути его преобразования в коммуникативную общественную систему, то есть, в открытое общество свободных коммуникаций. Актуальность проблемы становления коммуникативных общественных систем обусловлена тем, что современное общество переживает этап постиндустриального развития, избирая векторы дальнейшего прогресса (технологического, информационного, духовного) на стыке эпох современности–постсовременности, социокультурных парадигм историзма–модернизма–постмодернизма–неогуманизма. Мы последовательно рассматриваем коммуникативные интеракции в контексте духовных процессов общения людей, развития их духовно-коммуникативных сил в особом роде коммуникативной деятельности (коммуникативный обмен силами и способностями), формирующей общественное коммуникативное сознание на основе человеческого взаимопонимания.

Первоисточники человеческой коммуникации, базирующиеся на естественной (природной) основе, возникли еще во времена Античности. И первым здесь, пожалуй, был Сократ, который последовательно применял коммуникативный метод познания. Коммуникативное качество «сократического общения» проявилось в двух главных моментах: преодоление гносеологического, а с ним и коммуникативного барьера между учеником и учителем, а также открытие пути совместного поиска истины (майевтика).

В Новое время научно-философская методология теоретического рассмотрения общественных систем, которые развиваются на основе социальных взаимодействий и совершенствования общественных отношений, начинает формироваться со времен французского Просвещения. Своей зрелости она достигает в социальной философии марксизма и неомаркси-

зма, в позитивизме О. Конта и Э. Дюркгейма, в современных теориях реального интеракционизма, развиваемых в работах Т. Парсонса, А. Турена и Ю. Хабермаса (теории социального и коммуникативного действия, коммуникативного общества), в социальной философии радикального постмодернизма (Жан Бодрийар и др.). Не вдаваясь в методологические тонкости того или иного подхода, можно достаточно отчетливо выделить три основных социально-философских направления анализа коммуникативных общественных систем.

- I. Традиционалистский подход: он имеет в своей основе методологию так называемого „исторически ориентированного» марксизма, представляющего в осовремененном виде неомарксизма и постмарксизма¹.
- II. Постмодернистский подход, который не имеет однозначной исторической ориентации и по сути своей методологически дискретен: он фиксирует социальную событийность в ее раздробленности, в прерывности и алогизме социальных явлений, имеющих не реальное, а символическое значение (дискурсивное, герменевтическое, знаково-кодирующее и т.п.).
- III. Инновационно-коммуникативный подход, который выстраивает социальную реальность в виде «постсовременности», в формах «открытого» коммуникативного общества как внесистемного социального образования: это жизненный мир людей, бытие их живой повседневной экзистенции.

Несмотря на кажущуюся противоположность традиционного и постмодернистского подходов, они имеют общую методологическую основу в том отношении, что рассматривают современные общественные системы (постиндустриальные, информационные, коммуникативные и др.) в качестве тех или иных модификаций капитализма, т.е. как общественные формообразования в пределах одной и той же капиталистической системы. Так, согласно концепции «умеренных» постмодернистов Э. Манделя и Ф. Джеймсона, капитализм исторически проходит три взаимосвязанных этапа:

- рыночный капитализм, когда возникают единые рынки;
- империалистический капитализм, появление которого связано с возникновением глобальной капиталистической системы;

---

¹Ритцер Дж. Современные социологические теории. — СПб.: Питер, 2002. — С. 193–214.

- поздний капитализм, этап «обширной экспансии» капитала в сферы общественной жизни, которые до этого не были коммерциализированы².

А. Турен полагает, что коммуникативная общественная система позднего капитализма характеризуется не материальным типом способа общественного производства, а способом технологического изменения общественного производства (согласно неомарксистской методологии)³. На этой основе, по И. Валлерштейну, формируются предпосылки образования мировой экономической системы с глобальными социальными взаимодействиями и общественными коммуникациями. В них доминируют капиталистические общественные отношения, хотя и особого техногенного (технологического) типа, в которых социально-классовые противоречия труда и капитала сглажены и размыты и не стоят на первом месте в интеракциях⁴. Дж. Гэлбрейт полагал, что здесь определяющую роль играет техноструктура транснациональных корпораций, которая порождает «корпоративный дух» единства всех работников независимо от должностной иерархии и владения капиталами. Это корпоративное единство целей, мотивов и ценностей персонала, порождающее коммуникативные взаимоотношения (в общении) и социальное партнерство (в поведении)⁵. Вполне логично, что корпоративная техноструктура «духовно обновленного» капитализма на социокоммуникативных партнерских отношениях объективно и неизбежно ведёт к появлению «технокапитализма».

«Технокапитализм», по Д. Келлнеру, — это не только и не столько фиксация его «постиндустриальной» фазы (в производственном и техническом отношении), но и смена его формы культуры и повседневной жизни⁶. Технокапитализм остается формой капитализма, при которой значение технологии приобретает исключительное значение. Но при этом резко возрастает и роль общественной «надстройки». При этом государство и культура («технокультура») в условиях технокапитализма становятся автономными. Технокультура преимущественно проявляет себя в товарных

² Jameson Fr. Postmodernism, or the cultural logic of late capitalism // *New Left Review*, 146, 1984. — P. 78.

³ Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества // Новая технократическая волна на Западе. — М.: Прогресс, 1986. — С. 414–415.

⁴ Wallerstein I. The End of What Modernity? // *Theory and Society*, 24. — P. 471–488; Валлерштейн И. Анализ мировых систем: современное системное видение мирового сообщества // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований — М.: Интеллект, 1998. — С. 134.

⁵ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество — М.: Прогресс, 1969. — С. 114–115, 203.

⁶ Kellner D. *Critical Theory, Marxism, and Modernity*. — Baltimore: John Hopkins University Press, 1989. — P. 178.

и информационных формах, в вещной и информационной потребительской культуре, в том числе в коммуникативной культуре средств связи, информации, образов, товарной эстетики (эстетичная коммодификация), которая ставит под контроль повседневную жизнь людей. Здесь важно подчеркнуть, что через технокультуру («индустрию культуры») технокapитализм, используя макрокоммуникации всей социальной системы, ставит под контроль микрокоммуникации жизненного мира людей, их повседневное общение и внутрисоциальные взаимодействия.

Значительный вклад в разработку проблемы рационализации современных обществ на основе целенаправленных «коммуникативных действий» внес Ю. Хабермас. Это был инновационный подход в том отношении, что он развивал теорию коммуникативных общественных систем на ее собственной методологической основе. Поставив перед собой программу неомарксистской «реконструкции исторического материализма», Ю. Хабермас разрабатывает совершенно новую «семантику коммуникаций» или «коммуникацию о коммуникациях», дающую знание об обществе изнутри общества, а именно, через «жизненный мир» людей, который является альтернативой обезличенной «социальной системе» общества. Этот подход Ю. Хабермас определяет как «социальные структурные преобразования открытости», как реализованная идея и идеология «гражданской открытости общества»⁷. Согласно Ю. Хабермасу, коммуникативное действие лежит в основе всех социальных взаимодействий. Он соотносит коммуникативное действие в социальной сфере с целерациональным действием в материально-трудовой сфере. Коммуникативное действие непосредственно обуславливает социальное поведение людей, а также может принимать форму трудового (производственного) общения. И в этом смысле оно предметно. Но сущность коммуникативного действия Ю. Хабермас видит не в его способности к предметному проявлению, а в целенаправленной интересубъективности, т.е. не во внешне-видимом, а во внутреннем герменевтическом результате интеракции. Она нацелена на достижение взаимопонимания в общении, определенного уровня согласия между коммуникаторами. «Коммуникативный разум подвергает себя испытанию на способность его как силы к интересубъективному взаимопониманию и обоюдного признания»⁸. Т.е. коммуникативное действие по своей «интерактивной силе» направлено не на само действие (как, например, у Т. Парсонса по схеме «актор–ситуация–социальное действие»), а на смысл и значение действия.

⁷ Хабермас Ю. Структурні перетворення у сфері відкритості. Дослідження категорій «громадянське суспільство». — Львів: Літопис, 2000. — С. 136–150, 190–208; Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем: Альманах — М.: Весна, 1993. — Т. I.

⁸ Хабермас Ю. Філософський дискурс модерну. — К: Четверта хвиля, 2001. — С. 316.

Другими словами, коммуникативное действие изначально носит ценностный характер, социокультурно, смыслообразно (но не целесообразно). В нем отсутствует целедостижение на успех (как в трудовой деятельности), но в нем изначально присутствует герменевтический аспект взаимодействующих сторон, их ценностная ориентация на взаимопонимание и практическое использование полученной информации. В узком смысле здесь проявляется интересубъективность трансцендентальных коммуникаторов. А в широком — интересубъективность жизненного мира людей. В феноменологическом смысле в коммуникативном действии, по Ю. Хабермасу, совершается переход-трансцензус от отношений абстрактной социальной системы («они-отношения») к живым отношениям жизненного мира людей («мы-отношения»).

Эти отношения через коммуникативное действие «оживляются»; из омертвленно-обезличенных они превращаются в личностно-духовные. Поэтому, в коммуникативных действиях людей можно наблюдать первые акты духовного взаимодействия людей, рассматривать их как духовные процессы общения. Их качество представлено в подъеме уровня человеческого сознания и его проявления в формах коммуникативного сознания: уже в качестве первой (базовой) составляющей духовно-практического сознания, способного инициировать коммуникативные силы людей. Поэтому коммуникативное действие и выступает как первичная основа социально-культурной жизни людей, духовно-ценностная сфера их жизненного мира и бытия повседневности. Иначе оно полностью было бы лишено смысла.

Но если это так, то почему перед нами не рождается этот новый, удивительный «коммуникативный мир» открытого человеческого общения? Ю. Хабермас дает следующий ответ: из-за препятствий к свободной коммуникации людей. Подобные препятствия на макроуровне создаются всеми структурными источниками социальной системы, это сама его структура и иерархические структурно-функциональные уровни. Это в социосистемном плане, а в социодуховном — это общественная идеология, унифицирующая взгляды и представления людей под господствующие установки и нормативные социальные позиции («лояльных граждан» к господствующему режиму и порядку). На микроуровне главное препятствие представляют барьеры в коммуникативности, «коммуникативные барьеры». Это неспособность общающихся субъектов, коммуникаторов, к адекватному общению, к взаимопониманию. Причины здесь разные: неспособность найти общий тематический репертуар, несходящиеся макропозиции сторон (например, идеологические разногласия), когнитивная разноуровневость (различный уровень информированности и знаний), отсутствие микроконнекторов связи, общих интересов в общении и т.д.

Негативным следствием препятствий в коммуникации является ее информативное искажение, «искаженная коммуникация». Это коммуникация, которая происходит с принуждением, представляет собой «репрессивное общение», порождающее «репрессивное сознание», которое, согласно Г. Маркузе, порождает «одномерного человека» не способного к взаимопониманию с другими людьми. «Одномерное мышление» в результате «репрессивной десублимации» приводит к неизбежной общественной «герметизации университета дискурса», к нарастающему непониманию между людьми, к появлению «одномерного общества»⁹.

Неискаженная коммуникация между людьми носит нерепрессивный характер, происходит без принуждения и навязывания господствующего мнения, развивается свободно, на добровольной основе, носит открытый характер беспрепятственной передачи-восприятия информации и знаний. Только таким путем можно получить достоверное знание, информацию об обществе, человеке, любом социальном явлении, о самой коммуникации, более того, проникнуть в сущность общественных явлений, человеческую сущность знания и сознания или, по Н. Луманну, осуществить «снятие тайны» и наблюдать семантику общества, человека, знания, коммуникации. Тогда меняется само понятие общества как социальной системы, и появляется такое всеобъемлющее социальное образование, которое в качестве базового элемента для самопроизводства порождает коммуникацию¹⁰. Общество становится социетальным и предстает как функциональная система, способная к совершенствованию и рационализации: в экономике, науке, законодательстве, искусстве, а с этим — к воспроизводству и усложнению через коммуникацию и функциональную дифференциацию.

Ю. Хабермас представляет «рационализацию общества» и становление на этом пути «рационального общества» в двух главных аспектах:

- а) рационализация целерациональных действий и прежде всего целеположений трудовой деятельности: это приводит к росту производственной отдачи в человеческой деятельности, с одной стороны, а с другой, — к увеличению технологического контроля над человеческой жизнью (за счет ее «технологизации» и информатизации), к большей и даже полной зависимости от технических удобств и технических средств, повышающих жизненный комфорт;
- б) рационализация коммуникативных действий, подразумевающая:

⁹ *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. — М.: АСТ, 2003. — С. 264, 319, 348, 385.

¹⁰ *Luhmann N.* Die Gesellschaft der Gesellschaft. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997. — S. 78.

- либерализацию коммуникации от идеологии, идеологического воздействия и контроля;
- трансформатизацию искажающих идеологических коммуникаций в научно-рационализированные интеракции и в целом — в социологию знания (по К. Мангейму и Н. Луманну);
- перемещение коммуникации с материально-деятельностного на идеально-нормативный уровень;
- введение определенных «норм коммуникации», которые неизбежно снимают коммуникативные препятствия и барьеры в коммуникации;
- «освобождение коммуникации» от принуждения и господства, снятие всех ограничений на общение (по структурам, уровням и иерархиям) и контроля за коммуникациями на микроуровне жизненного мира человека и социальных групп непосредственной жизнедеятельности людей и прямых коммуникативных контактов;
- перенос свободного, добровольного и открытого общения людей на все общество, а с этим — его превращение в открытое «коммуникативное общество», «рациональное общество» в виде открытой коммуникативной системы.

Последнее и должно стать коммуникативной целью современных общественных систем: «освобождение» общества от коммуникативных искажений и создание открытого общества свободных коммуникантов. А за этим последует и «освобождение труда» от искажений эксплуатацией, и разовьётся свободная коммуникативная деятельность, которая породит свободную и творческую трудовую деятельность.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Социально-философская методология позволяет раскрыть основные механизмы, приводящие к развитию общественных систем коммуникативного типа. Коммуникативные общественные системы есть главный продукт постиндустриализма и технотронности. Парадигма общественного прогресса лежит не в плоскости техногении, а в сфере социогуманитарных форм развития. Они задействуют коммуникативные силы людей в качестве духовно-производственных, существенно расширяют сферу когнитивных практик людей, рационализируют общественные отношения на принципах социального и коммуникативного партнерства.